

EDN: ZQOMDC

Фото Вадима Лурье

«15/X-89.

Дорогие Елена Владимировна
и Александр Федорович!

Большое спасибо вам за замечательный сборник об анекдоте: много в нём интересного и просто увлекательного, с удовольствием прочёл ваши статьи и публикации. Извините, что благодарю так поздно: долго был в отпуске, потом уезжали Рудневы, и лишь недавно они передали мне книгу. Мне, конечно, жаль, что я не участвовал в этом вашем прекрасном начинании, но от поэзии, от лирики я сейчас в своих занятиях никуда не ухожу. Правда, некоторые соображения хотелось бы высказать.

Я в прошлом году покопался в эпиграммах, которые, думается, можно соотнести (как жанр) с жанром анекдота. Видимо, современный анекдот, его историческая поэтика может рассматриваться по двум линиям (как и у частушки): фольклорной (от анекдотических сказок – см. Мелетинского) и литературной. Что касается второй, то анекдот и эпиграмма связаны, в частности, культурой пуанта. Видимо, историю русского анекдота стоит соотнести и с тем, что жанр эпиграммы, заимствованный в XVIII–XIX вв., русифицировался, привился на отечественной почве и активно “работал” вплоть до нашего века (последний здесь, видимо, Вл. С. Соловьёв), когда эпиграмма как жанр пришла в упадок – ср. лишь отдельные фигуры (Светлов), стилизованные эпиграммы (Мандельштам), а лучший образец – переводные эпиграммы (Бёрнс – Маршак); зато в нашем веке расцвел анекдот. Ещё: слово “эпиграмма” в допушкинское и пушкинское время означало не только поэтический жанр, но и острое словцо. Лотман в комментарии к 1-ой гл. “Онегина” слишком категорично разводит эти значения: так, Жуковский в известном письме Бенкендорфу о смерти Пушкина обыгрывает оба значения “эпиграммы”. А в отрывке Пушкина “Мы проводим вечер на даче...” история о Наполеоне сначала называется анекдотом, а затем – эпиграммой.

Есть и различия: в эпиграмме часто есть я (1 лицо) и обращение к объекту эпиграммы – 2 лицо; анекдот же весь построен на 3 лице и повествует обычно о прошлом, т. е. он эпичен. И формулу (Гегеля или Белинского? –

«СУДЕБ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ»:

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВИЧА БЕЛОУСОВА

(10.08.1946 – 05.01.2023)

я не помню): “Роман – эпос нового времени” – можно дополнить: “роман и анекдот” (где второй жанр – микроэпос нового времени). Общее же у сатирической эпиграммы и анекдота – поэтика случая, случайного. Ср. известную эпиграмму Пушкина с “И кюхельбекерно, и тошно...”: если описание этого случая перевести из 1 лица в план 3 лица, а само повествование заменить диалогом, то анекдот готов.

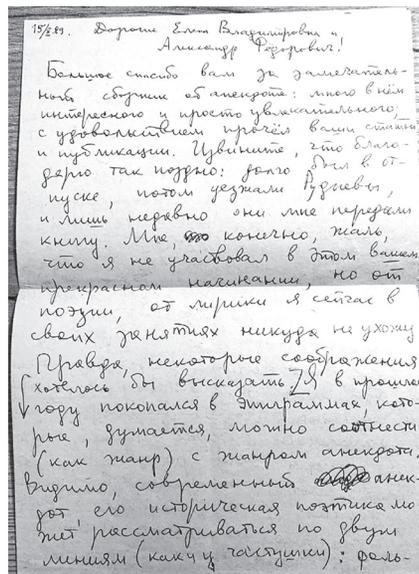
Из других поэтических жанров с анекдотом связана не только басня, как показал С. Николаев (в XX в. с анекдотом связаны басни Эрдмана и Массы), но и стихотворная новелла 18 – начала 19 вв.

Вот, пожалуй, и всё.

Всего самого доброго вам, вашим близким, всей кафедре русской литературы –

искренне Ваш Я. Гин

P.S. Недавно просматривал журнал “Знание – сила” – и в № 1 за 1989 г. нашёл весьма любопытные мысли Г. Гусейнова о роли анекдота в современной социокультурной и социолингвистической ситуации – но вы, конечно, это уже прочли».

Это рукописное письмо я получила недавно от Кати Белоусовой, дочери Александра Федоровича Белоусова, покинувшего этот мир в январе 2023 года. Она обнаружила его в книге отца. У письма своя предыстория.

«В начале 1989 года я предложил ему (Я. И.) принять участие в сборнике, посвященном изучению анекдота. Яков Иосифович отказался. Он сосредоточенно занимался своей “поэзией грамматики” и не отвлекался на посторонние дела. А жаль. В письме, в котором он благодарил за присланный ему сборник, есть очень интересные сопоставления анекдота с эпиграммой. Это сопоставление вполне могло быть развинуто им в статью».

Сборник «Жанры словесного текста. Анекдот», о котором пишет Я. Гин, вышел в конце 1989 года в период работы А. Ф. Белоусова, филолога тартуской школы, ученика Ю. М. Лотмана, в Таллинском педагогическом институте им. Э. Вильде (1978–1990), когда в числе других появились его публикации «Городской фольклор» (1987) и «Детский фольклор» (1989). В 1980 году, когда Гин-студент был приглашен участвовать в научной конференции в Таллинском пединституте, начали складываться его профессиональные отношения с Белоусовым. Затем последовали Таллинские конференции 1982, 1985 и 1988 годов. В ноябре 1990 года Гин встретился с Белоусовым в Ереване на большой конференции «Семантические и коммуникативные категории текста», организованной известным филологом Суреном Золяном. Это была последняя конференция Якова Гина. Из воспоминаний А. Ф. Белоусова:

«Яков Иосифович предпочитал обсуждать такие кардинальные вопросы лингвистической поэтики, как понятия “лингвистического факта” и “лингвистического комментария”, или же говорить о феномене “поэтической филологии”. Очевидно, что ему было важно разобраться в перспективах и принципах исследования из сугубо лингвистического превращавшегося в филологическое, ярким примером чего стала одна из его последних работ “Из “поэзии грамматики” у Мандельштама: проблема обращенности”. Любая новая встреча с Яковом Иосифовичем поражала тем, как быстро развивался молодой исследователь» (Вспоминая Якова Иосифовича Гина: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1998. Т. II, № 4. С. 524–525).

Когда в феврале 1991 года Якова Гина не стало, Александр Федорович был одним из четырех авторов (Г. А. Левинтон, Р. Д. Тименчик, Л. А. Осповат) «In memoriam» в журнале «Новое литературное обозрение» (1992. № 1. С. 83–86).

В 1992 году в Таллинне вышел двухтомник «Школьный быт и фольклор», составленный А. Ф. Белоусовым и объединивший разрозненные усилия разных собирателей и исследователей. Это издание явилось началом нового направления в отечественной фольклористике

1980–1990-х годов, первопроходцем которого и стал Александр Федорович. Именно ему принадлежит инициатива широкого изучения городского фольклора, городского детского и школьного фольклора. Одним из первых он осознал, что только полевое, ориентированное главным образом на деревенскую местность фольклорно-этнографическое исследование народной культуры оказывается ограниченным, недостаточным, порой пройденным этапом. Из предметного поля исключались целые пласты материалов, которые из-за идеологических запретов или всякого рода охранительства оставались для науки за семью печатями. Официальное собирание и изучение фольклора ограничивалось легко учитываемым набором элитных жанров. Чтобы выявить всю традиционную культуру, особенно современную, нужны были такие методы исследования, которые уже широко практиковались в мире: включенное наблюдение с использованием технических средств, массовые опросы, письменные анкеты, интервьюирование, картографирование и т. д. С такой собирательской практикой связывал Белоусов открытие городского фольклора, городского детского и школьного фольклора. Настоящим событием стал собранный им и подготовленный многими специалистами новый большой том «Русский школьный фольклор: от “вызываний” Пиковой дамы до семейных рассказов» (М.: Ладомир, 1998), в котором школьная культура предстала широко и многопланово. С этими публикациями в научный оборот вводились неизвестные явления и тексты. Это такие виды фольклорной прозы, как детские «страшные» истории», которые в дальнейшем привлекли внимание многих исследователей и изучались как современные мифологические рассказы. Большой интерес вызвали так называемые садистские стишки. Прежде всего в школьной среде появились тексты, бытовавшие (бытующие) в письменной форме, жанры и виды «фольклорной письменности» (Е. А. Костюхин), «письменного фольклора» (В. С. Бахтин), который близок к устному наличием вариантов, господством стереотипов, приемами использования устоявшегося запаса словесных блоков и формул. Одна из основных форм бытования письменного фольклора среди школьников – девичий альбом. История бытования, содержание, структура, жанровый состав девичьих альбомов XX века, инициированные Белоусовым, стали предметом изучения его аспирантов и других исследователей. В сборнике впервые помещены девичий рукописный рассказ, «школьные хроники», граффити, пародийные стихи (они бытовали и в устной форме), детские текстографические загадки.

Яркое продолжение обрела названная публикация А. Ф. Белоусова, посвященная анекдоту: многочисленные статьи о Вовочке, Штирлице, Крокодиле Гене, Чебурашке, которые закрепили за ним звание «профессор по анекдотам» и «специалист по Вовочке». С анекдотами о Вовочке Белоусов выступал перед студентами Петрозаводского государственного университета и на моем «домашнем» семинаре.

Все эти явления городского фольклора объединяет введенный С. Ю. Неклюдовым термин «постфольклор», первопроходцем изучения и публикации которого и стал А. Ф. Белоусов. Это отражает сборник к его 60-летию, который имеет название «Фольклор, постфольклор, быт, литература» (СПб., 2006).

Второе направление первопроходческой деятельности А. Ф. Белоусова – культура русской провинции. Из автобиографии:

«Есть среди культурологических тем, которыми я занимался, и тема, которая представляла для меня особый – личный интерес. Это – тема русской провинции. Выросший в рабочем поселке – пригороде Риги, которая в свою очередь расположена на окраине России, я всегда ощущал себя провинциалом. <...> Поэтому, когда в 1990-е гг. феномен провинции и провинциальности осознается как актуальная проблема нашей культуры, принял активное участие в конференциях, которые Научный совет по истории мировой культуры Российской Академии наук посвятил изучению и осмыслению провинции. Это позволило не только увидеть много замечательных мест, не только познакомиться со многими замечательными людьми. У провинции есть свои достоинства и своя прелесть».

Назову только несколько работ Белоусова по этой теме: «Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли» (М., 2000); сборник «Русская провинция: миф – текст – реальность», составленный в соавторстве с Т. В. Цивьян (М.; СПб., 2000); «Символика захолустья: (обозначение российского провинциального города)» – статья в сборнике «Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты» (М., 2004).

Белоусов первым обратился к изучению творчества писателя Леонида Добычина, которым занимался на протяжении многих лет. Ему принадлежит предисловие и комментарий в книге «Писатель Леонид Добычин: Воспоминания. Статьи. Письма» (СПб., 1996); научная редакция Полного собрания сочинений и писем Л. Добычина (СПб., 1999), статьи в Добычинских сборниках, изданных в Даугавпилсе, и других изданиях.

Приведенными работами не исчерпываются научные интересы Белоусова. Традиции и культура семинаристов и институток в России на-

чала XX века, прочтение произведений русских классиков – «попытка особой поэтической культурологии», «поэтическая культура сирени» и «кладбищенская» поэзия, статьи, посвященные городской балладе 1920–1930-х годов как последней фазе развития жанра исторической песни и др. Более 250 исследований и бесчисленное количество докладов на научных конференциях разного уровня.

Еще одна ипостась А. Ф. Белоусова – преподаватель. Эрудит, незаурядный лектор, глубокий, яркий, остроумный – именно так оценивали его студенты и в Таллинском пединституте, где он проработал 14 лет, и на кафедре истории русской литературы Санкт-Петербургского университета, и на кафедре детской литературы Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, и на факультете антропологии и истории искусств Европейского университета в Петербурге. Прекрасный педагог, учительство которого очень ценили молодые исследователи, для кого он становился официальным и чаще неофициальным руководителем.

Унаследованные после смерти сына дружеские профессиональные отношения с Александром Федоровичем, длившиеся более 30 лет, для меня были невероятно значимыми. Именно Белоусов приветствовал мое погружение в детские утопии, когда летом 1992 года специально приехал в Петрозаводск и привез мне на дачу в Кутижму упомянутый сборник «Школьный быт и фольклор» с первой публикацией на эту тему. А потом в контексте фольклорной практики, заинтересовав своих студентов, прислал мне несколько тетрадей с рассказами об их детских играх в страну-мечту. Последующие работы утвердили в науке игры в страну-мечту, игровые утопии или детские Швамбрании как особый тип импровизационной символической игры, существенно отличающейся от уходящих в обрядовую жизнь традиционных игр.

Белоусов любил Петрозаводск и несколько раз бывал в нем. Дважды в связи с днями памяти друзей-ученых. Он с женой, замечательным филологом Еленой Владимировной Душечкиной, инициировали в малом зале филармонии вечер памяти, посвященный Петру Александровичу Рудневу, на который привезли составленный А. Ф. Белоусовым и А. К. Байбуриным сборник «Studia metrica et poetica: Сб. статей памяти Петра Александровича Руднева» (СПб., 1999).

Последнее письмо от Александра Федоровича, на этот раз очень короткое, я получила 30 декабря 2022 года, за шесть дней до смерти. Как мне будет их не хватать. Светлая ему память!

*С. М. Лойтер,
доктор филологических наук, профессор
г. Петрозаводск*

Поступила в редакцию 25.09.2023; принята к публикации 07.12.2023